

Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова

Никита Башнин, Александр Корзинин

New data for the biography of Malyuta Skuratov

Nikita Bashnin

*(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences),
Alexander Korzinin (Saint Petersburg State University, Russia)*

Григорий Малюта Лукьянович Бельский — одна из самых загадочных личностей XVI в. Большинство современников и потомков считали его кровавым палачом, безупречным исполнителем воли покровителя — царя Ивана Грозного. Малюта Скуратов стал символом опричнины — политики разделения государства и общества на две противоборствующие половины, насильственных земельных конфискаций и переселений служилых людей, убийств и грабежей представителей правящей элиты, духовенства, посадских людей, крестьян.

Историки разных эпох пытались воссоздать психологический портрет Скуратова, и в целом их характеристики схожи. В оценках учёных его внутренний мир расписан преимущественно чёрными тонами. Современный исследователь Д.М. Володихин отмечает, что только «смерть Малюты — самое светлое пятно в его биографии»¹. Трудно понять, был ли Малюта Скуратов необычайно жесток, по своей природе склонен к злодейским поступкам, получал ли наслаждение от расправ над людьми, объявленных вне закона, или же стремился безукоризненно исполнять царскую волю, быть максимально полезным государю. Однозначно ответить на этот вопрос затруднительно, поскольку не известны документы личного происхождения Григория Лукьяновича Бельского. Тем не менее благодаря сведениям о нём в разрядах, летописях, монастырской документации и других источниках можно раскрыть ряд ключевых моментов его жизни, карьерного роста.

Историки в целом относились к Малюте Скуратову отрицательно и даже враждебно. М.М. Щербатов, взявшись за описание «жесточайшего поступка, учиненного царем Иоанном Васильевичем с Новым городом», в своей «Истории Российской от древнейших времен» написал, что вначале царь «послал пред собою любимца своего Малюту Скуратова с повелением умертвить находящегося в изгнании в Твери в Отрочатем монастыре святого мужа Филипа, бывшего митрополита Московского; и сие сим верным исполнителем всех жестоких велений царских было исполнено»². Н.М. Карамзин в капитальном труде по истории Российского государства отметил факт личного участия Малюты в убийстве двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича Старицкого

© 2017 г. Н.В. Башнин, А.Л. Корзинин

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-12013.

¹ Володихин Д.М. Малюта Скуратов. М., 2012. С. 218.

² Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 5. Ч. 2. Кн. 12. СПб., 1789. С. 226, 231, 241.

и его семьи. Скуратов в произведении официального историографа, как и в сочинениях М.М. Шербатова, назван «царским любимцем», «наперсником Иоанновым до гроба: он жил вместе с царём и другом своим, для суда за пределами мира сего»³. С.М. Соловьёв писал о Григории Скуратове-Бельском как об одном из самых близких к царю опричников, «царском любимце»⁴. Первая попытка краткого биографического очерка Малюты Скуратова принадлежит перу Е. Лихача в «Русском биографическом словаре» А.А. Половцова. Восстановив основные факты биографии Бельского, отметив дружеские отношения, связывавшие царя и опричника, автор подчеркнул его неродовитость и пожалование ему вследствие этого чина не боярина, а думного дворянина⁵.

В советское время одним из первых обратил внимание на личность Григория Лукьяновича Бельского С.Б. Веселовский. По материалам из личного фонда учёного видно, как он по крупицам попытался воссоздать семейное древо Бельских⁶. В «Исследованиях по истории опричнины», увидевших свет лишь после смерти историка, Веселовский впервые в историографии дал чёткое обоснование происхождения Бельских, отделяя их от Плещеевых и от князей Гедиминовичей⁷. В отличие от С.Ф. Платонова и П.А. Садикова, он не выводил Бельских от Плещеевых⁸.

Биографию Малюты Скуратова реконструировал В.Б. Кобрин, для чего он использовал «послужной список опричников» Веселовского⁹. Кобрин опирался также на выводы своей кандидатской диссертации о социальном составе Опричного двора Ивана Грозного (1961 г.)¹⁰. Историк привлёк данные из разнообразных источников: разрядных и посольских книг, вкладных и приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского и Кирилло-Белозерского монастырей, записок иностранцев, летописей. В очерке, посвящённом Григорию Бельскому, помимо фактов биографии, исследователь затронул такие темы, как образ Малюты Скуратова в народной памяти, происхождение рода Бельских, его семейные связи. Обобщённая краткая характеристика Григория Скуратова-Бельского (без указания автора статьи) вошла в «Советскую историческую энциклопедию»¹¹.

Некоторые важные моменты жизни и деятельности Григория Лукьяновича получили освещение в работах М.Н. Тихомирова, А.А. Зимина и Р.Г. Скрынникова¹². Главному опричнику Ивана Грозного уделён раздел в недавно вы-

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. СПб., 1821. С. 142, 147–148, 160, 162, 191, 208, 217–218.

⁴ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 2. Т. VI. СПб., 1896. С. 171, 258.

⁵ Лихач Е. Скуратов-Бельский, Малюта, Григорий Лукьянович // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 18. СПб., 1904. С. 627.

⁶ Архив РАН, ф. 620, оп. 1, д. 40, л. 373–377.

⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1969. С. 201–204.

⁸ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1910. С. 221; Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 48, 111.

⁹ Кобрин В.Б. Малюта Скуратов // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 210–212.

¹⁰ Кобрин В.Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 23–25.

¹¹ Скуратов-Бельский, Малюта (Григорий Лукьянович) // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. С. 967.

¹² Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. С. 123; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 130–131; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 383, 435, 438, 460.

шедшей работе И.В. Курукина и А.А. Булычёва¹³. Новейший биограф Малюты Скуратова Д.М. Володихин посвятил ему научную публикацию, а также научно-популярное исследование, увидевшее свет в серии «Жизнь замечательных людей»¹⁴.

Однако многое в биографии Малюты Скуратова остаётся неясным. К настоящему времени в источниках выявлены новые сведения, раскрывающие некоторые тёмные моменты его жизненного пути. До сих пор в полном объёме не реконструирована родословная Бельских, и у историков существуют разногласия относительно происхождения этой дворянской фамилии. Вызывают споры также переломные моменты в жизни Григория Лукьяновича. В научной литературе мало сведений о его земельных владениях и материальном положении.

Родоначальником Бельских С.Б. Веселовский считал Евстафия¹⁵. Известно, что в конце XV — начале XVI в. они имели владения под Звенигородом. Сын Евстафия Афанасий упоминается в 1473 г. как послух в духовной грамоте Степана Лазарева, землевладельца Звенигородского уезда¹⁶. Сын Афанасия Лукьян по прозвищу Скурат в 1504 г. владел деревней Горка в Звенигородском уезде на границе с Сурожским станом Московского уезда¹⁷. Григорий Лукьянович Скуратов Бельский, носивший прозвище Малюта, в Дворовой тетради 1550-х гг. записан по городу Белой, где, очевидно, владел землями и нёс службу вместе с братьями Третьяком и Нежданом¹⁸. Из вкладной книги Иосифо-Волоколамского монастыря узнаём, что у Малюты Скуратова было два деда — Афанасий и Игнатий¹⁹.

Очевидно, Лукьян Афанасьевич, отец Григория Малюты, имел больше детей, чем известно по Дворовой тетради. С.Б. Веселовский полагал, что старшим сыном Лукьяна был Яков. Его сын Богдан-Андрей Яковлевич Бельский, знаменитый деятель времён правления Ивана IV, приходился Малюте Скуратову племянником²⁰. В источниках второй половины XVI в. встречается Пётр Верига Григорьев сын Бельский, которого исследователи часто отождествляют с Веригой Третьяковым сыном Бельским, двоюродным братом Б.Я. Бельского, но Петра Веригу Григорьева и Веригу Третьякова не следует смешивать. На службе Пётр Верига был замечен только один раз в июне 1579 г. Он известен нам главным образом благодаря вкладам в Иосифо-Волоколамский монастырь. 15 июля 1573 г. Пётр Верига дал монастырю на корм по князю Ивану Келмамаеву и его сестре княгине Елене 6 руб., а в 1585/86 г. Б.С. Бельский дал уже по Петре Вериге 100 руб., после чего П.А. Бельский внёс на помин отца (Вериги Григория) и матери (Татьяны) дополнительно 100 руб.²¹ Учитывая родственные отношения, связывавшие Богдана Сидоровича и Петра Григорьевича, можно предположить, что

¹³ Курукин И.В., Булычёв А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 121–124.

¹⁴ Володихин Д.М. Заметки о семействе Г.Л. Скуратова-Бельского // Археографический ежегодник за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 113–125; Володихин Д.М. Малюта...

¹⁵ Архив РАН, ф. 620, оп. 1, д. 40, л. 373.

¹⁶ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 411. С. 438.

¹⁷ Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. М., 1813. С. 366.

¹⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг. М.; Л., 1950. С. 194.

¹⁹ РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196, л. 76.

²⁰ Архив РАН, ф. 620, оп. 1, д. 40, л. 373–373 об.

²¹ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. Ч. 1. М.; Л., 1980. С. 6; РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196, л. 79 об.; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 57.

Пётр Верига был сыном Григория, старшего брата Малюты Скуратова, сведения о котором, как, впрочем, и о Якове Лукьяновиче Бельском, не сохранились. Тогда становится понятным, почему Григорий получил прозвище Малюта: он был младшим сыном Григорием Меньшим (или Малютой) в семье (см. Родословную Бельских).

Ещё один сложный момент касается Богдана Сидоровича Бельского, которого иногда путают с Богданом Яковлевичем. Оба носили двойное имя — Богдан-Андрей. Из духовной первого (в иночестве Антония, старца Саввина-Сторожевского монастыря) 1599 г. нам известны имена его родных — отца, инок Серапиона, матери Евфимии, жены Прасковьи, сыновей Ивана и Посника, дочери Марины²². Богдан Сидорович уже в 1573 г., вероятно, вошёл в Особый двор Ивана Грозного, а его сыновья в 1575 г. получили назначения: Иван — стольником, Посник — стряпчим²³. Посник Богданов сын Бельский приходился племянником Б.Я. Бельскому²⁴. Можно предположить, что отец Богдана-Андрея Сидор был младшим сыном Лукьяна Скурата Бельского, а сам Богдан-Андрей Сидорович и Богдан-Андрей Яковлевич являлись двоюродными братьями (см. Родословную Бельских). У Малюты Скуратова помимо Сидора был ещё один брат, в иноках Илья, принявший постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре. Нам известен и сын Ильи, Григорий, в иноках Геронтий²⁵. Во вкладной книге этой обители названы братья Богдана Яковлевича Бельского Матвей, Иван, Невежа, сестра Мария, а также казначей Иосифо-Волоколамского монастыря старец Вассиан (в миру Василий) и его сын Афанасий²⁶. Трудно определить место Василия в родословной Бельских, возможно, он тоже был сыном Лукьяна Скурата.

Многих племянников Малюты Скуратова мы застаём в 1573 г. на дворовой службе, в 1574/75 г. — на свадьбе царя и Анны Васильчиковой²⁷. Вероятно, их карьера тесно связана с возвышением дяди, проложившего им дорогу ко двору. Однако некоторые Бельские предпочли укрыться за стенами Иосифо-Волоколамского монастыря и принять монашеский постриг.

В.Б. Кобрин предположил, что фамилия Бельских образована от названия города Белая по аналогии с местными землевладельцами — Гедиминовичами князьями Бельскими²⁸. По мнению М.Н. Тихомирова, этот город в северной части Смоленской земли построен «от Литвы» только в 1508 г. и получил своё название от реки Белая²⁹. Однако первое упоминание о нём в русских летописях относится к середине XIV в.³⁰ В 1508 г. в Белой, очевидно, возвели деревян-

²² Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). Т. 2. М., 1998. № 29. С. 46.

²³ Список опричников Ивана Грозного // Рукописные памятники. Вып. 7. СПб., 2003. С. 57; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 261.

²⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 128.

²⁵ Вотчинные хозяйственные книги... С. 10; *Титов А.А.* Вкладные и записные книги Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. Вып. 5. М., 1906. С. 100—102.

²⁶ РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196, л. 76 об.—77, 78—78 об., 80—80 об.

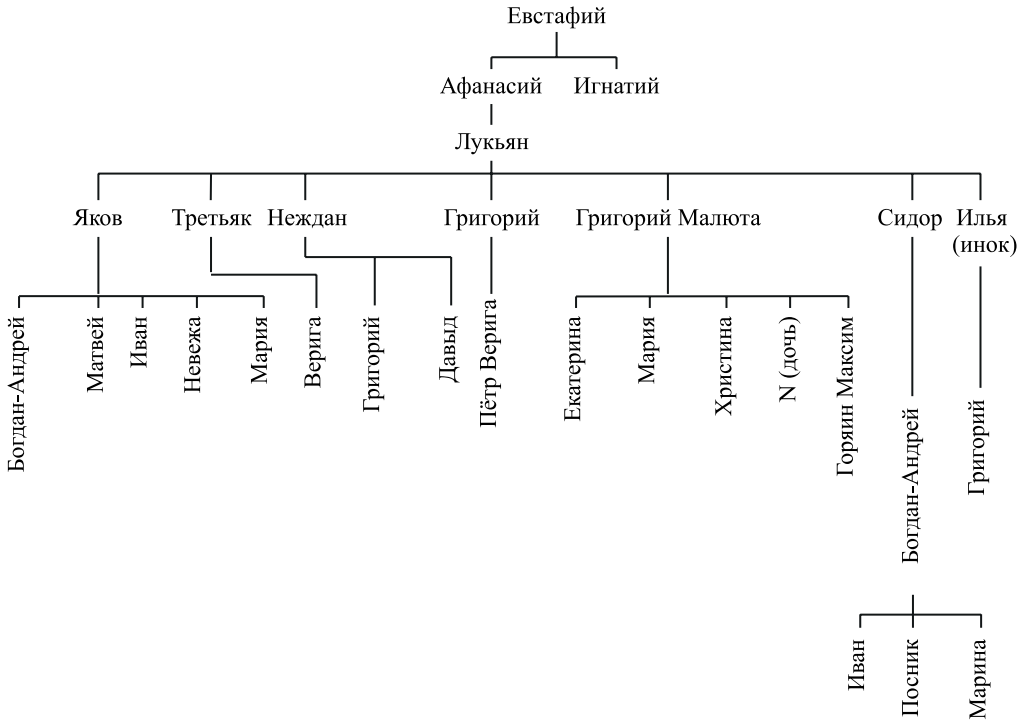
²⁷ *Васильчиков А.А.* Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною Васильчиковою // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 1. Отд. III. СПб., 1900. С. 9, 11, 12.

²⁸ *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонирика. Избранные труды. М., 2008. С. 157.

²⁹ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 103; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 364.

³⁰ ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 231; Города Тверской области. Историко-архитектурные очерки (XI — начало XX века). Вып. 1. СПб., 2000. С. 105—105.

Родословная Бельских

ную крепость на случай прихода литовских войск. В «Списке городов дальних и ближних», дошедшем до нас в числе прочих источников в составе Кормчей книги Соловецкого монастыря конца XV в. (1492/93 г.), Белая уже упомянута, причём среди литовских городов. По мнению Тихомирова «Список городов дальних и ближних» составлен к концу XIV в.³¹ Следовательно, город возник в конце XIII — начале XIV в., а к концу XIV в. попал под власть Великого княжества Литовского³².

В апреле 1500 г. на службу к великому князю Ивану III отъехал со своей вотчиной Белой кн. Семён Иванович Бельский³³. По наблюдениям А.А. Зимина, город отошёл к России по условиям русско-литовского мирного договора 1503 г.³⁴ М.М. Кром установил, что титул Бельских князей закрепился за местными Гедиминовичами, чьи владения включали Белую, сравнительно поздно, только с их переходом на московскую службу в конце XV в.³⁵ Белая находилась в составе Русского государства до начала Смутного времени, когда её завоевали литовцы,

³¹ ОР РНБ, ф. 717 (Соловецкое собрание), № 858/968, л. 607 об.; Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 86–88, 95, 113.

³² Орловский И. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907. С. 145.

³³ ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 251.

³⁴ Сборник Императорского русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 35. СПб., 1882. С. 400; Зимин А.А. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки. Т. 52. М.; Л., 1955. С. 342.

³⁵ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010. С. 67.

и только по условиям Андрусовского перемирия 1667 г. окончательно вошла в состав России. Поэтому предположение В.Б. Кобриня о получении Бельскими родовой фамилии от Белой поддержать нельзя — представители этой фамилии известны задолго до присоединения города к Москве и жили не на Смоленщине, а на границе Московского и Звенигородского уездов. Очевидно, Бельские — коренные землевладельцы Центра России. В Московском, Звенигородском и Рузском уездах во второй половине XVI в. известны владения Б.С. Бельского. В.Г. Бельский приобретал вотчины в Сурожском стане Московского уезда. Зять Малюты кн. И.К. Канбаров владел поместьем в Сурожском и вотчиной в Горетове станах Московского уезда³⁶. Получение Бельскими поместий в районе Белой в Бельском уезде произошло после 1503 г. К сожалению, писцовых книг XVI в. по Бельскому уезду не сохранилось, и можно только строить предположения о размерах и расположении владений Бельских в этом регионе.

О том, что Бельские тяготели к Звенигороду, косвенно свидетельствуют захоронения отца Малюты Лукьяна Афанасьевича и его детей на территории Иосифо-Волоколамского монастыря, а также вклады Бельских в эту обитель, расположенную по соседству с Звенигородским уездом. Правда, потомки Бельских Скуратовы, подавая свою родословную роспись в Палату родословных дел в 1686 г.³⁷, выводили своё происхождение из Польши: «К великому князю Василию Дмитриевичу всея России приехал служить из Польши шляхтич Станислав Бельской, а герб его месяц да две сабли переломлены, на верху корона с перьем павлиньим, таков, так свидетельствует о том книга Рыцарства польского герба. А у Станислава сын Федор Бельской. А у Федора дети Андрей да Зиновий. У Зиновья дети Прокофий да Лукьян, прозвище Скураты, и Прокофий Зиновьевич Скурат был в боярех и в Литве был в послех у великаго князя Александра Литовскаго 7003-го года с великою княжною Еленою Ивановною, дщерью великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца. А у Лукьяна дети Иван да Григорий Малюта Скуратовы и при великом государе царе и великом князе Иоанне Васильевиче всея России самодержце Григорий Малюта Скуратов был в боярех и в 7080 году в немецком походе был в дворовых воеводах. У Ивана сын Семен Скуратов. У Семена сын Федор. У Федора сын Дмитрий Федорович»³⁸.

В легенде есть хронологические неувязки и ошибки. Недостаёт многих лиц: братьев Малюты, его сына Горяина, племянников. Если Станислав выехал на Русь при Василии I Дмитриевиче (1389—1425 гг.), то время жизни Лукьяна Скурата придётся на первую треть XVI в., а он жил в конце XV в., причём имел отчество Афанасьевич, а не Зиновьевич. Следовательно, Зиновий и его отец Фёдор Бельский — выдуманные персонажи, ведь отцом Афанасия был Евстафий. Кроме того, Прокофий Зиновьевич Скурат не был в боярах Ивана III. Речь, очевидно, идёт о Прокофии Скурате Зиновьеве, отправленном в январе 1495 г. с женой в составе свиты великой княгини Елены Ивановны в Литву. Он же в 1490 г. ездил послом в Волохи³⁹. Прокофий Скурат не принадлежал к роду Бельских, а происходил из рода дворян Станищевых. В XVI в. известны

³⁶ АСЗ. Т. 2. № 29; Русский дипломатарий (далее — РД). Вып. 8. М., 2002. С. 41—42; Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 96, 125.

³⁷ Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 298.

³⁸ Архив СПбИИ РАН, ф. 131, оп. 1, д. 105, л. 15—17, 255 (роспись была скопирована В.В. Румелем и Н.В. Мятлевым из архива Департамента Герольдии. Дело о дворянстве рода Скуратовых, Тульской губернии).

³⁹ Сборник ИРИО. Т. 35. С. 163; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. С. 140.

Скуратовы (однофамильцы Скуратовых-Бельских), служившие по Великому Новгороду и Рязани, в частности дворовый тысячник 2-й статьи из Которского погоста Шелонской пятины Новгородской земли Скурат (Скурас, Скурта) Григорьев сын Скуратов⁴⁰. Сувор Григорьев сын Скуратов в 1612 г. владел поместьем отца в Рязском уезде; в 1594—1597 гг. помещиком в Рязанском уезде был Пётр Григорьев сын Скуратов⁴¹. В родословной легенде ошибочно указано, что Григорий Малюта имел чин боярина.

П.А. Садиков высказал оригинальную гипотезу о том, что Бельские взяли фамильное прозвище по г. Белёву для того, чтобы отделить себя от однофамильцев новгородцев Скуратовых⁴². Однако, кроме игры слов, учёный не привёл надёжных доказательств в пользу своей точки зрения.

Род Бельских нельзя назвать «честным», родословным. Мы ничего не знаем о службе его представителей в составе Государева двора в конце XV — первой половине XVI в. Бельские принадлежали к средним слоям провинциального дворянства, и их выход на историческую сцену связан с младшим представителем фамилии. Исходя из того, что первое упоминание Малюты Скуратова обнаруживается в Дворовой тетради (составленной предположительно в 1553/54 г.⁴³), он родился во второй половине 1530-х гг., поскольку служба дворянина обычно начиналась с 15 лет. Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря начала XVII в.⁴⁴ помогает выяснить вероятную дату его рождения. По Григорию Малюте установили несколько кормов в Иосифо-Волоколамском монастыре: первый «на память Григория Арменского» 30 сентября, другой «на преставление его» 1 января⁴⁵. Для православных христиан дата поминания святого, в честь которого они получали имена, была гораздо важнее даты рождения, поэтому корма обычно устанавливали в память святого и на день «годины» (смерти). Чаще всего младенцев крестили на 8-й день после рождения и называли в честь святого, чья память приходилась на этот день. Григорий Арменский известен как святой великомученик, епископ Великой Армении, его поминание приурочено к 30 сентября⁴⁶. Возможно, Малюту Скуратова называли не в честь Григория Арменского, а в память русского святого чудотворца из Вологды Григория Пельшемского, умершего в 1442 г. и канонизированного русской православной церковью в 1549 г.⁴⁷ Память его также приходится на 30 сентября. Следовательно, Малюта Скуратов мог родиться 22 сентября. Правда, бывали случаи, когда крещение откладывалось по нездоровью ребёнка и совершалось не на 8-й, а на 9-й, 10-й день. По Григорию Малюте царь Иван IV установил ещё один корм 25 мая, на память преподобного Григория,

⁴⁰ Тысячная книга... С. 91.

⁴¹ РД. Вып. 8. № 2958; Писцовые книги Рязанского края. XVI век. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1996. С. 146.

⁴² Садиков П.А. Очерки... С. 149.

⁴³ Корзинин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550—1565 гг.). СПб., 2016. С. 121—155.

⁴⁴ РГАДА, ф. 1192, оп. 2, ч. 5, д. 395. Копию XVIII в. см.: РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196; Зимин А.А. Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в. // Из истории феодальной России. Статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Л., 1978. С. 77—84.

⁴⁵ РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196, л. 76.

⁴⁶ Сергей (Спасский), архимандрит. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. М., 1875. С. 11, 133.

⁴⁷ Это предположение высказывает Ю.Д. Рыков, которому авторы статьи благодарны за ценные наблюдения об имянаречении в средневековой Руси.

чудотворца Печерского⁴⁸. Корм обычно назначался на именины или день смерти поминаемого человека⁴⁹, поэтому не ясно, почему выбор пал на 25 мая. Возможно, этого святого особо чтил Малюта Скуратов.

Первый раз в непосредственной близости от царя Григорий Лукьянович упоминается в конце сентября 1567 г. Он находился на последних местах в разряде полка. Когда царь Иван Васильевич с царевичем Иваном отправились в Новгород Великий в поход против Литвы, то среди третьих голов, сопровождавших государя, третьим по счёту назван Малюта Скуратов⁵⁰. Известно, что Григорий Бельский выдвинулся из числа рядовых детей боярских благодаря службе в опричнине. Он играл роль пономаря в Александровой слободе, где царь Иван Васильевич был «игуменом»⁵¹. Именно кровавые казни, проводившиеся по приказу Ивана Грозного, выдвинули Скуратова в число его ближайших соратников. В 1568 г. Малюта впервые «отличился» при разгроме имений главы Боярской думы И.П. Фёдорова. Под Калугой «во Губине Углу Малюта Скуратов с товарищи отдал 30 и 9 человек». Желание выслужиться и обратить на себя внимание государя толкнуло его на путь массовых казней и убийств знатных вельмож и близких к ним людей. В 1569 г. он участвовал в убийстве боярина В.Д. Данилова, в октябре 1570 г. — двоюродного брата царя кн. В.А. Старицкого с семьёй⁵².

23 декабря 1569 г. Скуратов убил низложенного митрополита Филиппа (Колычева) в Тверском Отроче монастыре. Опальный иерарх не захотел благословить царя на разгром Великого Новгорода, за что поплатился жизнью. В.А. Колобков, ссылаясь на известие наиболее ранней Тулуповской редакции «Жития святого Филиппа» допускал, что убийца действовал по собственной инициативе; эту версию поддержал Д.М. Володихин⁵³. Большинство же исследователей полагают, что Скуратов действовал по поручению Ивана Грозного⁵⁴. Б.Н. Флоря воздержался от каких-либо предположений о мотивах действий убийцы⁵⁵. Между тем кажется невероятным, чтобы такое громкое политическое убийство худородный представитель опричного двора совершил по собственному усмотрению.

Во время разгрома опричниками Новгорода Великого в январе 1570 г. по «Малютинские ноугородские посылки отделано скончавшихся православных крестьян 1490 человек, да 15 человек убито из пищалей». Историки сходятся во мнении, что во время Новгородского похода Григорий Бельский фактически возглавлял опричное Сыскное ведомство, Розыскной приказ или высшей

⁴⁸ *Сергий (Спасский), архимандрит.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1876. С. 138, 261; РГАДА, ф. 181, оп. 2, д. 141/196, л. 6.

⁴⁹ Подробнее см.: *Штайндорф Л.* Поминание усопших как религиозная и общественная должность монастырей Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2000. С. 103—116; *Шаблова Т.И.* Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI—XVIII веках. СПб., 2012. С. 9, 28, 44, 60.

⁵⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 226.

⁵¹ Послание Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 39.

⁵² *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 329; *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997. С. 125, 127; Послание Иоганна Таубе... С. 46—47.

⁵³ *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 373—374; *Володихин Д.М.* Малюта... С. 131.

⁵⁴ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 203; *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2000. С. 257, 298; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 362; *Кобрин В.Б.* Опричнина... С. 158.

⁵⁵ *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 2009. С. 255.

карательный орган власти, командовал массовыми казнями новгородцев (около 1 500 человек)⁵⁶. Очевидно, расследование Малютой Скуратовым «новгородского изменного дела» и казни «православных крестьян» с конфискацией их имущества чрезвычайно его обогатили. Вероятно, львиная доля драгоценностей, церковной утвари, особенно драгоценных икон, данная им впоследствии вкладом в Иосифо-Волоколамский монастырь, была награблена в Новгородской земле.

25 июля 1570 г. Малюта Скуратов проявил себя во время массовых казней «на Поганой луже» в Москве: он собственноручно рубил головы либо наносил жертвам глубокие раны топором, от чего наступала медленная и мучительная смерть⁵⁷. Карьера преданного опричника неуклонно поднималась вверх соразмерно масштабам казней, непосредственным исполнителем которых он был. В мае 1570 г. на заседании царя с Боярской думой о границе с Польско-Литовским государством под Полоцком Малюта Скуратов назван среди «дворян, которые живут у государя з бояры», т.е. он получил чин думного дворянина⁵⁸. А.А. Зимин полагал, что «в отличие от бояр и окольных думные дворяне происходили из состава неродовитого дворянства и были обязаны возвышением своей выслугой»⁵⁹. Действительно, первые думные дворяне представлены младшими представителями знатных фамилий, и их служебный ранг был невысок. Р.Г. Скрынников считал, что чин думных дворян впервые появился в составе Боярской думы только в период опричнины и давался только тем, кто служил в опричнине⁶⁰. Однако источники фиксируют думных дворян уже в 1553 г. и в феврале 1564 г.⁶¹, т.е. до опричнины. Можно согласиться с учёным в том, что именно в период опричнины чин думных дворян приобрёл особую значимость и закрепился в составе опричной Боярской думы (в земщине думных дворян не было)⁶².

Григорий Лукьянович сблизился с царём и его семьёй уже к 1571 г. 28 октября 1571 г. во время свадьбы Ивана Грозного и Марфы Васильевны Собакиной он вместе со своим зятем Б.Ф. Годуновым числились друзьями у царицы, а свахами пригласили Марию Григорьевну, жену Б.Ф. Годунова (дочь М. Скуратова), и Марию, жену Малюты⁶³. Однако стремительный карьерный взлёт прервала неожиданная смерть опричника. 1 января 1573 г. М. Скуратов погиб в бою под г. Пайдой (Вейсенштейном) при проломе стены, ворвавшись одним из первых в осаждённую ливонскую крепость. Царь Иван Васильевич жестоко наказал защитников города за смерть своего любимца. По словам ливонского хрониста Бальтазара Рюссова, поплатились жизнью «и женщины и девушки, и дворяне и недворяне, исключая нескольких бедных крестьян». Начальника гарнизона Пайды Ганса Боя «со многими другими шведами, немцами и не немцами привели к великому князю, который живьём велел привязать их к кольям

⁵⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 383; Кобрин В.Б. Опричнина... С. 24.

⁵⁷ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1934. С. 47; Гваньини А. Указ. соч. С. 145, 147.

⁵⁸ Сборник ИРИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 666.

⁵⁹ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 80.

⁶⁰ Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 238–239; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 513.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. М., 2000. С. 523; РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 10, л. 370.

⁶² Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Состав Особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 157.

⁶³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 286.

и зажарить до смерти». Бесчеловечные надругательства над пленными ливонцами продолжались несколько дней⁶⁴.

Исследователи по-разному определяют причины гибели Григория Скуратова. По мнению С.Б. Веселовского, после отмены опричнины он утратил расположение царя и добровольно принял смерть под Пайдой, так как предчувствовал неизбежную опалу: «Известно, что царь Иван, разочаровавшийся в своих опричниках, в конце опричнины и непосредственно после её отмены без пощады стал их уничтожать»⁶⁵. В.Б. Кобрин не согласился с мнением Веселовского, подчеркнув, что царь и после гибели соратника благоволил к Бельским и не скупился на почете и милости⁶⁶. В.А. Колобков обратил внимание на слабость обороны Пайды в связи с уходом части защитников встречать шведский обоз с боеприпасами накануне его штурма москвитями. Григорий Бельский об этом знал и решил воспользоваться подходящим моментом: «Воинский подвиг, совершённый с небольшим риском на глазах царя, мог поднять полновластного главу Розыскного приказа на более высокую ступень иерархической лестницы государева двора». И только случай пресёк карьеру «самого преданного царского холопа в момент её наивысшего подъёма»⁶⁷. Источники свидетельствуют о том, что царь Иван Васильевич до конца жизни остался благодарен своему слуге за преданную службу. По воспоминаниям Г. Штадена, монарх указал совершать в церквях поминальные молебны в память о Малюте Скуратове⁶⁸. Тело Г.Л. Бельского опричник Е.М. Пушкин отвёз в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Из Обиходника Евфимия Туркова конца XVI в. известно о погребениях Бельских в стенах обители Иосифа Волоцкого: «по иноке Леониде по Скурате Бельском по Малютине отце дача Малютина и по всех род их и гробы есть и цки камены (могильные плиты. — *Н.Б., А.К.*) среди монастыря подле дорожку на гроб ход»⁶⁹. Вот что сообщает о захоронении Григория Бельского вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря начала XVII в.: «Лета 7081 преставися Григорий Малюта Лукьянович. Привез его Остафей Пушкин, а дал по нем образ Николая Чудотворца Великорецкого», да «на погребение же по Малюте дали сорок рублей денег да мерин гнед, да дватцать рублей, да после того дала Малютина жена Марья в Новгороде по Малюте сорок рублей денег, итого сто рублей последние дачи»⁷⁰. Вместе с телом Григория Лукьяновича Пушкин доставил в монастырь необычную реликвию: знаменитую икону святителя Николая Чудотворца Великорецкого. Этот образ почитаемого на Руси святого угодника Николая Мирликийского по легенде был обретен в Вятском крае на реке Великой крестьянином Агалаковым в 1383 г. Икона явилась ему на ветвях сосны. Из села Великорецкого её торжественно перенесли в г. Хлынов. В 1555–1556 гг. святыня совершила путешествие в Москву, где её поместили в Успенском соборе Кремля, возле Владимирской иконы Божией Матери, и поновили. Южный придел собора Василия Блаженного в Москве в 1555 г. освятили в честь вятской

⁶⁴ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880. С. 218.

⁶⁵ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 203.

⁶⁶ Кобрин В.Б. Опричнина... С. 160.

⁶⁷ Колобков В.А. Указ. соч. С. 462–463.

⁶⁸ Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1. М., 2008. С. 143.

⁶⁹ РГАДА, ф. 1192, оп. 2, ч. 5, д. 556, л. 55; Леонид (Краснопевков), епископ. Выписка из «Обихода» Волоколамского Иосифова монастыря, конца XVI века, о дачах в него для поминовения по умершим // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 4. Смесь. М., 1863. С. 2.

⁷⁰ РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 75 об.—76.

иконы. Здесь же поставили копию иконы, выполненную по приказу государя. В Вологде с неё также сделали копию, а затем соорудили храм в честь явления Великорецкой иконы. Одна из копий в 1581 г. дана Иваном Грозным Костромскому Ипатьеву монастырю в память по убитом царём старшем сыне царевиче Иване⁷¹. Очевидно, ещё одну копию иконы Николая Чудотворца царь дал вкладом в Иосифо-Волоколамский монастырь, и именно её привёз в монастырь опричник Пушкин вместе с телом Малюты. Это свидетельствует об особом уважении Ивана Васильевича к своему верному слуге.

Известно, что царь в 1575/76 г. пожертвовал Иосифо-Волоколамскому монастырю по Григорию Лукьяновичу 150 руб., и «за ту государскую дачу поминати Григория Малюту в повседневном списке и в сенанике доколе и монастырь Пречистые стоит». В.Б. Кобрин подчёркивал, что царь дал по М. Скуратову больше, чем по своим дочерям и жёнам⁷². Обращает на себя внимание то, что царский вклад по Малюте Скуратове записан среди вкладов государя по членам его семьи, он как бы «вклинивается» в список вкладов монарха по жёнам и дяде. Видимо, это отражало истинное отношение государя к своему любимцу, как к члену семьи. Иван Васильевич и позже жаловал деньги монастырю на помин души опричника: 21 сентября 1575 г., во время посещения обители Иосифа Волоцкого, царь дал «пол-2 рублей на поминоков ево души, поминати ево доколя и монастырь Пречистые стоит»; 3 июня 1576 г., приехав на богомолье с сыном Иваном, он оставил «по своем холопе» 50 руб.; 20 декабря 1579 г. повелел выдать на корм братии 10 руб. Характерно, что Борис Годунов, зять Григория Лукьяновича, тоже не забывал о нём. Будучи уже царём, он 12 января 1599 г. прислал в память по Малюте 100 руб., да «на корм братие да на понахиду 10 рублей». Жена Бориса Мария, дочь Малюты Скуратова, в сентябре 1575 г. дала по отце «5 рублей на корм, на молебен да на понахиду рубль»⁷³.

О богатстве Малюты Скуратова свидетельствуют вклады в русские монастыри его самого и членов его семьи. В первую очередь пожертвования Скуратовых шли в Иосифо-Волоколамский монастырь, родовую усыпальницу Бельских. В монастырском «ларчике» (очевидно, церковной казне) хранилось «Малютиных церковных денег 200 рублей», отложенных им, вероятно, про запас в целях сохранности. В «наугородской коробье» находились «Малютиных денег 186 рублей»⁷⁴. Первое пожертвование обители (100 руб. по отцу иноке Леониде и по матери инокине Варсонофии) Малюта Скуратов сделал 5 апреля 1568 г. В 1571/72 г. он пожаловал Иосифо-Волоколамскому монастырю «в наследие вечных благ по отце своем иноке Леониде, да по матери своей иноке Варсонофии на вечной поминоков 200 рублей денег, да ризы бархат бел, оплечье и кружево

⁷¹ Шутова Н.И. К истории почитания св. Николая чудотворца в Камско-Вятском регионе // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2013. Вып. 1. С. 62–63; Романова А.А., Биланчук Р.П. «Сказание о явлении великорецкого образа св. Николая», преподобный Агапит и Николаевский Маркушевский монастырь // Вестник церковной истории. 2009. № 3–4 (15–16). С. 111; Соколов М.И. Переписные книги Костромского Ипатьева монастыря 1595 г. М., 1890. С. 4; Нечаева Т.Н. Иконография Великорецкого образа святителя Николая Чудотворца в русской иконописи XVI в. // Правило веры и образ кротости... Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. С. 447, 455.

⁷² РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 2–6; Кобрин В.Б. Опричнина... С. 162.

⁷³ Вотчинные хозяйственные книги... С. 88, 89, 104, 148; РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 12, 13–13 об.

⁷⁴ Вотчинные хозяйственные книги... С. 1, 85.

бархат золотой, да другие ризы постные, камка синя, оплечье и кружево дороги золотные, да стихарь бархат бел, оплечье кушак золотной, да потир серебрен, да два колокола середних, а весу в них семдесят пуд». Малюта обещал «возвигнути храм камен Стретение иконы Пречистые Богородицы Владимирские, а дал на церковное сооружение двести рублей денег, да сто золотых угорских, да и грамоту взял у митрополита Кирилла благословенную по цареву и великого князя слову, да образ местной большой Пречистыя Борогородицы Владимирские прислал». Этот храм возвели «иждеванием вельможи Григория» уже в 1575 г. На его деньги в 1589 г. возвели также церковь святых апостолов Петра и Павла над воротами ограды⁷⁵. Помимо копии знаменитой иконы, опричник прислал в родовую обитель образы Спаса Преображения, Пречистой Богородицы, апостолов Петра и Павла, Александра Свирского, соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, Варлаама Хутынского, Вседержителя «Недреманное око», Андрея Критского, Николая Чудотворца и др., богато украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Всего «по душе» опричника в Иосифо-Волоколамский монастырь он сам и его близкие пожаловали около 1 500 руб. За щедрые дары Григория Лукьяновича записали с родителями, женой и детьми в вечный синодик. Жена Марья после гибели мужа продолжала давать обители деньги (в 1573 и 1574 гг. по 5 руб.)⁷⁶.

Вклады Скуратовых-Бельских встречаются также во вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хотя и отличаются небольшими размерами в сравнении с пожертвованиями в обитель Иосифа Волоцкого. В одном из списков вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря зафиксировано пожертвование от 23 января 1572 г. Григорием Скуратовым 50 руб. Кроме этой записи, есть приписка, выполненная другим почерком: «Лета 7083-го прислала Малютинская жена Марья да сын ее Максим 50 рублей денег по муже по своем по Молюте. И припалити со князем Осифам Тростенским да с Ываном с Тургеновым вместе корм кормить». Редактор книги объединил («припалил») имена Скуратова, кн. О.Т. Тростенского и И.В. Тургенева в связи с тем, что корм «с поставца» по ним установили в один день — 14 января⁷⁷. Во второй и третьей редакциях XVII в. вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря отмечено, что 23 января 1572 г. «Григорей Лукиянович, порёкло Малюта Скуратов» дал Кирилло-Белозерскому монастырю вкладом 100 руб. В 1575/76 г. «по сожительнице его инокине Маремьяне дано пятьдесят рублей». Жена Дмитрия Скуратова Евдокия с сыном Петром дали обители 10 руб.⁷⁸

Благодаря преданной службе царю Малюты Скуратова его родственники тоже сделали успешную карьеру. Григорий Скуратов «утягнул» их в опричное войско. Среди опричников известны его племянники Верига Третьяков сын, Григорий Нежданов сын, Богдан-Андрей Яковлев сын Бельские⁷⁹. Многие Бельские после 1572 г. попали в Особый двор Ивана Грозного: Богдан Яковлевич, Верига

⁷⁵ РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 73 об.—74; *Титов А.А.* Указ. соч. С. 67, 96; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 55.

⁷⁶ РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 74 об.—76 об.; ф. 1192, оп. 2, ч. 5, д. 556, л. 53; Архив СПбИИ РАН, колл. 115, д. 1074, л. 130 об.; *Вотчинные хозяйственные книги...* С. 19, 89.

⁷⁷ Архив СПбИИ РАН, колл. 115, д. 1074, л. 130—130 об.; *Сахаров И.П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // *Записки Отделения русской и славянской филологии Императорского археологического общества.* Т. 1. Отд. 3. СПб., 1851. С. 67; *Шаблова Т.И.* Указ. соч. С. 313.

⁷⁸ Архив СПбИИ РАН, ф. 131, оп. 1, д. 7, л. 61 об.; ОР РНБ, ф. 351 (Кирилло-Белозерское собрание), д. 87/1325, л. 138.

⁷⁹ *Кобрин В.Б.* Опричнина... С. 25—26.

Третьяков сын, Григорий и Давыд Неждановы дети, Богдан-Андрей Сидоров сын, Иван и Посник Андреевы дети Сидоровы и др.⁸⁰ Разбогатеи на службе, Бельские дали Иосифо-Волоколамскому монастырю около 2 тыс. руб. (не считая вкладов по Малюте Скуратову и его жене). Примерно 1 тыс. руб. Бельские дали в Московский Новодевичий монастырь, 350 руб. в Троице-Сергиев⁸¹.

После гибели Григория Лукьяновича в могилу быстро сошли самые близкие к нему люди. Жена Мария Степановна, приняв постриг под именем Маремьяны, умерла 13 апреля 1574 г. и была погребена в московском Новодевичьем монастыре. Единственный сын Максим по прозвищу Горяин умер 28 ноября 1574 г. и похоронен возле отца в Волоколамском монастыре. По инокине Маремьяне известны вклады в Новодевичий монастырь: 500 руб. дали на её «представление», позже по ней внесли ещё 100 руб. На помин души Максима Горяина тот же монастырь получил «вкладу 50 руб.»⁸².

У Малюты Скуратова Бельского кроме сына, умершего в молодости, были дочери Екатерина, Мария, Христина и ещё одна дочь. С большой выгодой и расчётом отец выдал их замуж. Екатерина стала женой кн. Ивана Михайловича Глинского. Мария вышла замуж за Бориса Фёдоровича Годунова. Христину выдали за кн. Дмитрия Ивановича Шуйского⁸³. Четвёртая дочь вышла замуж за кн. Ивана Келмамаева Канбарова⁸⁴. В литературе закрепилось мнение, что её звали Елена, а у мужа была фамилия Келмамаев Иван Келмамаевич⁸⁵. Благодаря сохранившейся вкладной книге Московского Новодевичьего монастыря 1674–1675 гг. можно проверить эту информацию. На 25 мая приходилась «память» по князю Ивану Келмамаевичу Канбарову и «по князь Иванове сестре по княжне Елене». В синодике в роду князя Иоанна Келмамаева записаны «благочестивый князь Иоанн и княжна Елена»⁸⁶. Следовательно, дочь Малюты Скуратова была замужем за крещёным татарским князем Канбаровым (а не Келмамаевым), а княгиня Елена была родной сестрой, а не супругой Ивана Канбарова. В синодике она записана с княжеским титулом, значит, она была княгиней, сестрой князя Канбарова, а не дочерью Малюты Скуратова. Имеется также упоминание о младшей дочери Григория Бельского Зиновии, будто бы вышедшей замуж за стольника Никиту Ивановича Головина. Последний, однако, умер 6 сентября 1669 г.⁸⁷ и, вероятно, родился в начале XVII в., когда самой младшей дочери Малюты Скуратова Зиновии, если она существовала в действительности, исполнилось бы 30 лет. Большая разница в возрасте Никиты Ивановича и Зиновии не позволяет строить предположение об их браке.

⁸⁰ Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 163–164.

⁸¹ РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 76 об., 77 об.—80 об.; Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря. М., 1985. С. 181, 172–173, 198, 208; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 128.

⁸² РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 76 об., 77; Вотчинные хозяйственные книги... С. 100, 102; Леонид (Краснопевков), епископ. Выписка... С. 2; Источники по социально-экономической истории... С. 173, 181, 208.

⁸³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 50; Архив РАН, ф. 620, оп. 1, д. 40, л. 373 об.—374; Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 203; Кобрин В.Б. Опричнина... С. 160; Володихин Д.М. Малюта... С. 205–207.

⁸⁴ Вотчинные хозяйственные книги... С. 6, 9; Кобрин В.Б. Опричнина... С. 44–45, 160; Володихин Д.М. Малюта... С. 206, 254; Источники по социально-экономической истории... С. 198, 230.

⁸⁵ Кобрин В.Б. Опричнина... С. 44–45, 160.

⁸⁶ Источники по социально-экономической истории России... С. 198, 230.

⁸⁷ Казанский П. Родословная Головиных, владельцев села Новопаскаго. М., 1847. С. 33, 166.

О земельных владениях Григория Лукьяновича сохранились лишь отрывочные сведения. Малюта дал в качестве приданого за дочерью Христиной кн. Д.И. Шуйскому вотчину селцо Семёновское с деревнями и пустошами (660 четвертей земли) в Марининской волости Борисоглебского стана Переславского уезда⁸⁸. У Малюты Скуратова, возможно, были владения в Желоховском стане Перемышльского уезда, полученные к сентябрю 1566 г. Шаровкиным монастырём. Здесь упомянута «деревня Долгуша Гриши Малютина на речке на Долгуше, а Гришинская то же»⁸⁹. У Григория Лукьяновича имелось крупное поместье погост Сольца с 13 деревнями и 2 починками (352 четверти земли) в Солецком погосте на р. Волхове в земской Водской пятине Новгородской земли. Возможно именно в это владение, «Малютину волость», в 1572 г. вывозили крестьян из соседнего Ильинского Тигодского погоста той же пятины⁹⁰. Погост Сольца ранее был поместьем дворянина Луки Васильева сына Корсакова, а затем, скорее всего после похода опричников на Великий Новгород, к 1571 г. достался Скуратову. В 1573 г. погост перешёл к его вдове и к сыну Горяину. В 1582/83 г. поместье в Солецком погосте принадлежало уже князю Ивану Егупову сыну Черкасскому⁹¹.

Мария Скуратова, получившая новгородское поместье мужа на прожиток, очевидно, находилась в нём до кончины. После погребения тела Малюты Скуратова в Иосифо-Волоколамском монастыре в январе 1573 г. во вкладной книге отмечено, что его жена дала по супругу в Новгороде 40 руб.⁹² 20 марта 1573 г. Марью пожаловали «государевой пожизненной пенсией» — ежегодным окладом в 400 руб. Д.Н. Альшиц полагал, что этот оклад получил в опричнине её погибший муж⁹³. Мария Степановна Скуратова-Бельская не случайно включена в список раздачи денежного жалованья в марте 1573 г., поскольку жила под Новгородом. Список «бояр, окольничих, дьяков, дворян и приказных людей», которым было предусмотрено выдать жалованье, вероятно, появился на свет именно в Великом Новгороде. Р.Г. Скрынников связывает раздачу денежного жалованья дворовым, находившимся при царе, с возвращением Ивана Грозного после взятия Пайды в Новгород и приближением праздника Благовещения (25 марта), когда обычно раздавали жалованье служилым людям⁹⁴. Действительно, в реестр попало немало новгородцев и псковичей: И.П. Татищев (псковский помещик), М.Т. Лошаков-Колычев (тысячник из Шелонской пятины), Е.Ш. Воронов (сын тысячника из Обонежской пятины Ш.А. Воронова), Н.Д. Мокеев (тысячник из Обонежской пятины), Н.Н. Скобельцын (брат тысячника из Обонежской пятины И.Н. Скобельцына), И.Ш. Благово (помещик Шелонской пятины) и др. Наконец, в расходной книге Иосифо-Волоколамского монастыря от 10 октября 1573 г. есть такая запись: «дано Василью, ерапольскому старосте, 4 алтына, что взяли у него 2 ярки Малютине жене Марье, как ехала из Новгорода за государем»⁹⁵.

⁸⁸ Шумаков С.А. Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4. М., 1917. С. 513.

⁸⁹ Садиков П.А. Очерки... С. 149; Садиков П.А. Из истории опричнины // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940. С. 194.

⁹⁰ Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. М., 1909. С. 320.

⁹¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 958, л. 335–430.

⁹² Там же, ф. 181, оп. 1, д. 141/196, л. 76.

⁹³ Список опричников Ивана Грозного. С. 7, 55.

⁹⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 470, 480.

⁹⁵ Вотчинные хозяйственные книги... С. 44.

Малюта Скуратов имел поместье в опричном Вяземском уезде, вероятно, в Волоцком стане, где целым гнездом раскинулись земли Бельских (Богдана-Андрея Сидорова сына с детьми, Невежи Яковлевича)⁹⁶.

Ещё одно значительное владение у Григория Бельского располагалось в Вологодском уезде. Иван Грозный начал строительные работы по укреплению Вологды в 1565 г., когда она вошла в состав опричной территории. В дальнейшем царь неоднократно бывал в этом городе. По мнению Р.Г. Скрынникова, «проект перенесения главной опричной резиденции на север побудил власти к испомещению опричных дворян в Вологодском уезде»⁹⁷. До настоящего момента было известно, что в Обнорской волости Вологодского уезда небольшими поместьями владели опричники Н.В. и Г.В. Хитрого (289 четвертей), С.Ф. Мишурина (49 четвертей), И.Ф. Мишурина (69 четвертей), П.И. Таптыкова (70 четвертей), Ю.А. и М.А. Темировы (56 четвертей), В.Г. Грязной (48 четвертей). Ф.А. Басманов также владел поместьем в Вологодском уезде — селом Никольское с деревнями. Массовое испомещение опричников В.Д. Назаров связывает с пребыванием царя в Вологде весной—летом 1567 г. и считает, что размеры владений опричников не исчерпывались вышеперечисленными четвертями⁹⁸. Благодаря архивной находке стало известно, что Григорий Скуратов тоже был землевладельцем на севере Русского государства в опричный период.

В окладной книге церковью Вологды и Вологодского уезда, составленной в Вологодском архиерейском доме св. Софии в 1628/29 г., на верхних полях имеются надписи, фиксирующие административную приуроченность перечисленных ниже храмов. М.С. Черкасова обратила внимание, что среди названий волостей и третьей упоминается «Малютинское поместье Скуратова», на соседних разворотах присутствует более лаконичная запись «Малюты Скуратова»⁹⁹. Всего на территории бывшего поместья опричника располагалось 12 приходов (церкви Дмитрия Прилуцкого на Черном Шингоре, Николая Чудотворца на Святой Горе, Ильи Пророка на Нозме, Николая Чудотворца в Старом селе, Живоначальной Троицы на Нозме, Григория Победоносца, Николая Чудотворца, Рождества Богородицы на Паршенге, Успения Богородицы на Монзе, Рождества Богородицы на Шуге, Покрова Богородицы, Дмитрия Прилуцкого в Наремской слободе). Это земельное владение локализуется в Авнежской и Шилегодской волостях в 40–70 км на восток от Вологды (см. карта)¹⁰⁰. В окладной книге конца 1620-х гг. нет сведений о размерах приходов, они появляются позже. По данным окладной книги 1647/48 г. на территории бывшего поместья Малюты Скуратова была 1 слободка, 16 селец, 114 деревень (одна пустая), 5 починок, 10 помещичьих дворов, 766 крестьянских дворов (4 пустых)¹⁰¹. Зная,

⁹⁶ Описание Грамот Коллегии экономии. Т. 1: А—И. М., 2016. С. 307; РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 619, л. 937, 938, 939, 941, 1076, 1090 об., 1101.

⁹⁷ Садиков П.А. Очерки... С. 45; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 217, 305–306, 352–353.

⁹⁸ Назаров В.Д. Из истории аграрной политики царизма в XVI веке // Советские архивы. 1968. № 3. С. 107, 113, 114; Зимин А.А. Опричнина. С. 417.

⁹⁹ Черкасова М.С. Архиерейские окладные книги как источник по землевладению и народонаселению в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 133–147; ОР РНБ, ф. 550, к. II, д. 105, л. 41–43.

¹⁰⁰ Из 12 церквей, которые были в поместье Малюты Скуратова, удалось локализовать 11 храмов. На карте они пронумерованы в порядке их упоминания в окладной книге (ОР РНБ, ф. 550, к. II, д. 105, л. 41–43). Карта составлена А.Л. Грязновым, которого мы искренне благодарим.

¹⁰¹ ОР РНБ, ф. 550, к. II, д. 106, л. 54 об.–60.

Поместье Малюты Скуратова в Вологодском уезде по окладной книге 1628/29 г.

что пик земледельческого освоения Вологодского уезда приходится на середину XVI в.¹⁰², можно утверждать, что к моменту получения поместья Малютой Скуратовым этот комплекс был не менее значительным.

Сведений о пребывании Григория Бельского в Вологде в конце 1560-х — начале 1570-х гг. нет. Однако правомерно предположить, что он сопровождал Ивана IV в его поездках на Север в 1565, 1566, 1567, 1568, 1569 гг. и мае 1571 г.¹⁰³ Вероятно, вклад в Кирилло-Белозерский монастырь 23 января 1572 г. Малюта мог сделать лично¹⁰⁴. Кому принадлежали земли, вошедшие в состав вологодского поместья Г.Л. Бельского, сейчас сказать затруднительно. Наверняка известно, что в этой местности и округе были владения Спасо-Прилуцкого, Троицкого Авнежского монастырей, Вологодского архиерейского дома и Ростовского архиерейского дома¹⁰⁵.

¹⁰² Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 84; Башнин Н.В. Монастырская колонизация и хозяйственное освоение Русского Севера в первой половине XVI в. // Российская история. 2015. № 6. С. 41—53.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 400, 407; Т. 37. Л., 1982. С. 196—197.

¹⁰⁴ Архив СПбИИ РАН, coll. 115, д. 1074, л. 130—130 об.; ОР РНБ, ф. 351, д. 87/1325, л. 138.

¹⁰⁵ Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985. С. 175, 207, 208; Черкасова М.С. Землевладение Ростовской митрополичьей кафедры в Вологодском уезде в XVI—XVII вв. // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 249—263.

После смерти Малюты Скуратова начинается раздел поместья. В 1588 г. в деловой братьев П.Ф. и И.Ф. Басмановых упоминается в Вологодском уезде село Никольское, бывшее ранее в составе «Малютинского поместья». М.С. Черкасова выявила сведения о нём в отдельной выписи В.А. Хлопова от 26 июля 1610 г.: «Да в Авнежской волости Малютинского поместья Скуратова д. Воронино... пашни паханные 25 четей... на отхожей пашне на речке на Шингоре сена 12 копен». Следующей в этом документе фигурирует деревня Быково Авнежской волости из «Ивановского поместья Бутурлина», бывшего, как известно, тоже видным опричником. В 1616/17 г. часть владений Малюты Скуратова была в составе земель княгини Марии, вдовы кн. Андрея Васильевича Голицына. В 1646 г. этими землями владел уже боярин И.В. Морозов¹⁰⁶. Ещё раз поместье Малюты Скуратова упоминается в приходе-расходной книге 1627/28 г. Вологодского архиерейского дома св. Софии. В ней отмечено, что «в архиепископлю казну Малютинского поместья Скуратова Святыя Горы николской поп Тит платил церковную дань»¹⁰⁷. Однако затем в окладных и приходе-расходных книгах Вологодского архиерейского дома 1630—1690-х гг. сведений об этом имени и поместье больше нет¹⁰⁸.

Рассмотрение биографии Григория Лукьяновича Бельского на основе анализа документов, не привлекавших ранее внимания исследователей, проливает свет на генеалогию и происхождение рода Бельских, судьбу ближайших родственников Григория Лукьяновича, позволяет восстановить общую картину его землевладения и материального положения, а также семейных связей. На примере Григория Скуратова-Бельского видно, каким способом худородные дворяне могли попасть в придворную элиту: быть абсолютно преданным государю и не гнушаться любой, даже самой грязной, работы. Малюта Скуратов предстаёт перед нами как опричник с железными нервами, тонким политическим нюхом, трезвым расчётом и безграничным желанием закрепиться на вершине социальной лестницы.

¹⁰⁶ Зимин А.А. Опричнина. Приложение. № 14. С. 431; Черкасова М.С. Архиерейские окладные книги... С. 140—141; Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. СПб., 1906. С. 363.

¹⁰⁷ Государственный архив Вологодской области, ф. 948, оп. 1, д. 6, л. 37 об.

¹⁰⁸ Башнин Н.В., Грязнов А.Л. Карта храмов Вологодского уезда 1628/29 г. // Приходе-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. М.; СПб., 2016. С. 17.